

Фролов Константин Геннадьевич

Об эпистемическом статусе моральных чувств и эмоций

Аннотация: статья посвящена вопросу о том, в какой мере моральные чувства и эмоции способны давать агентам нормативные основания в пользу тех или иных моральных убеждений и моральных реакций. Мы выделяем четыре возможных позиции по данному вопросу: *скептицизм* в отношении моральных эмоций и переживаний отрицает роль эмоций в качестве подходящего типа свидетельств в моральном познании и моральной практике; *доверительная установка* в отношении моральных эмоций признаёт способность качественно окрашенных субъективных переживаний служить свидетельствами в моральном познании и моральной практике, но допускает, что они всякий раз могут быть заменены рассуждениями и анализом релевантных внешних фактов; *сентименталистская установка* предполагает, что чувства и эмоции способны в некоторых случаях быть незаменимыми свидетельствами в моральном познании и моральной практике; *эссенциалистская установка* исходит из того, что обладание агентом моральными эмоциями и переживаниями всякий раз является необходимым условием для морального познания и моральной практики. Мы исследуем достоинства и недостатки каждого из этих подходов.

Ключевые слова: моральная ответственность, моральные эмоции, нормативные основания, скептицизм, сентиментализм, репрезентационализм.

Для цитирования: Фролов, К. Г. (2024). Об эпистемическом статусе моральных чувств и эмоций. *Analytica*, 9, 63–81.

Человеку порой свойственно принимать свои эмоции и переживания в качестве оснований для принятия некоторых моральных убеждений и совершения моральных действий. Однако в какой мере допустимо так поступать? Оправданно ли руководствоваться своими моральными чувствами и эмоциями при вынесении моральных суждений? Этому вопросу посвящено данное исследование.

Объектом изучения послужат моральные чувства и эмоции, для которых характерно наличие качественной спецификой опыта их переживания, описываемого в терминах «каково это» и доступного познающим агентам из перспективы первого лица (Nagel, 1974).

В этом смысле моральные чувства и эмоции отличаются от моральных интуиций, представляющих собой склонности агентов принимать те или иные моральных убеждения (Huemer, 2005, 102), а не опыт какого-либо качественно окрашенного переживания. Так, мы вполне можем представить себе хладнокровного человека, который при виде сцены смертной казни в фильме Л. фон Триера «Танцующая в темноте» выносит суждение о том, что смертная казнь – это морально неприемлемая практика, не испытывая при этом никаких эмоций. В то же время мы можем представить себе другого, куда более впечатлительного агента, который при виде такой сцены испытывает чувство тошноты и переживает явное эмоциональное потрясение. В дальнейшем мы будем говорить именно о таких качественно окрашенных переживаниях, а не о моральных интуициях как интеллектуальных склонностях к тем или иным суждениям (Кононов, 2023, 64).

В таком случае предметом нашего исследования будет оценка способности моральных чувств и эмоций быть свидетельствами в пользу моральных убеждений и нормативными основаниями для обоснованных моральных реакций. При этом мы будем исходить из того, что иногда наши моральные установки способны быть истинными и обоснованными, а иногда они представляют собой заблуждения. Тем самым мы принимаем в качестве исходного допущения тезис морального реализма о наличии в мире моральных фактов, существующих в своей определённости независимо от установок познающих агентов.

Соответственно, нас будут интересовать различные типы отношений между моральными эмоциями и переживаниями агентов с одной стороны и нормативными основаниями для моральных убеждений и действий с другой стороны. Мы выделим четыре типа таких отношений и рассмотрим каждый из них в противопоставлении с другими.

Основную гипотезу исследования мы можем выразить словами Паскаля: «Сердце имеет свои основания, которых ум не знает: это явствует из множества данных. Я говорю, что сердцу человеческому свойственно от природы любить, и эта любовь его направляется в ту или другую сторону, смотря по тому, какими основаниями оно руководится; и ожесточается оно против того или другого по своему выбору. Вы отвергли одно и соблюли другое: по рассуждению ли вы любите?» (Паскаль, 1994, 232). Если же отказаться от использования метафоры дуализма ума и сердца, то наша гипотеза заключается в том, что в мире

имеются основания – чувства и эмоции, – отсутствие которых не может быть компенсировано никакими рассуждениями для того, чтобы агент мог выносить некоторые обоснованные моральные оценки и осуществлять некоторые обоснованные моральные действия.

Здесь целесообразно сделать небольшое отступление и рассмотреть некоторую классификацию видов восприятия. Эта классификация заведомо не претендует на полноту и не претендует на взаимоисключающий характер своих компонент. Более того, некоторая её запутанность может служить мотивом для того, чтобы в дальнейшем попытаться прояснить соотношения между этими категориями.

Выделяемые нами виды восприятия таковы.

Сенсорное восприятие – восприятие объектов и событий на основании данных органов чувств, которое характеризуется наличием качественной специфики соответствующих переживаний: синий шарф, круглый мяч, громкий хлопок, сладкий торт, горький кофе, болезненный удар, движущийся автомобиль.

Эмоциональное восприятие – восприятие объектов и событий с учетом качественно переживаемых психологических реакций на них: милый котёнок, пугающая собака, удивительная новость, тревожное ожидание результатов, торжественная музыка.

Оценочное восприятие – качественно переживаемая положительная или негативная оценка воспринимаемого содержания: вкусный торт, омерзительное насекомое, приятное поглаживание, привлекательная девушка, отвратительный поступок, приятная музыка, гениальная музыка.

Интуитивное восприятие – восприятие действительности на основании готовых суждений, представляющихся очевидными: теперь драка уже неизбежна; это чрезвычайно рискованное вложение средств; данное сообщение не вызывает доверия; он слишком торопится; это скверный поступок; это гениальная музыка.

Можно поставить вопрос о том, относится ли то, что в данном случае нами обозначено как интуитивное восприятие, собственно к сфере восприятия. Возможно, что не относится. Однако для нас гораздо важнее то обстоятельство, что первые три указанные категории – то есть всё то, что имеет качественную специфику опыта своего переживания, – определённо относится к чувственному восприятию.

Кроме того, применительно к данной классификации мы можем отметить следующее.

Во-первых, мы можем отметить, что многие эмоции тесно связаны с той или иной оценочной компонентой: радость мы, как правило, оцениваем положительно, а печаль негативно. При этом речь идёт о

различных аспектах опыта. Это ясно из того, что чувство страха, оцениваемое нами, как правило, негативно, может в некоторых случаях переживаться и оцениваться нами в позитивном ключе, как, например, это происходит после посещения фильма ужасов, который при этом нам понравился. Причем вполне возможно, что этот фильм понравился нам бы значительно меньше в том случае, если бы он был менее пугающим. Аналогичным образом при определённых обстоятельствах картинки милых котиков могут вызывать у нас раздражение и негатив даже тогда, когда мы видим, что котики действительно милые. Следовательно, мы можем выделить две различные компоненты нашего опыта: качественную специфику переживаемого нами умиления и качественную специфику переживаемого нами раздражения по поводу этого умиления. Или же в другом случае мы можем выделить качественно переживаемый страх при катании на американских горках и качественно переживаемый восторг, сопряженный с этим страхом. Так же мы можем испытывать наслаждение от переживаемой нами печали и тоски и предпочитать такую печаль любому веселью. Или же мы можем испытывать guilty pleasure, то есть переживать неприятное чувство вины за испытываемое нами удовольствие или удовлетворение. Во всех этих случаях оценочная компонента восприятия будет отличаться от эмоциональной или сенсорной.

Второе, что нам следует отметить применительно к указанной классификации – это то, что наши оценки могут быть интуитивными, то есть представлять собой очевидные для нас суждения, а могут качественно нами переживаться. Мы можем чувствовать, что музыка гениальна, и тогда переживание гениальности представляет собой оценочную компоненту по отношению к качественно переживаемому опыту. Чуть более точно, мы можем чувствовать восторг по поводу музыки и на основании этого испытываемого восторга выносить суждение о гениальности музыки. А можем судить, что музыка со всей очевидностью гениальна, не испытывая при этом никакого восторга. В этом случае мы не обладаем опытом её переживания как гениальной, но лишь уверенно судим о присущих ей свойствах. Мы можем судить о её гениальности примерно так же, как можем судить о чрезвычайной рискованности некоторого вложения средств, в отношении которого мы при этом не испытываем никаких переживаний. Для нас непосредственно очевидно, что данное вложение чрезвычайно рискованное, а играющая в настоящий момент музыка – гениальная.

Аналогичным образом мы можем испытывать отвращение по поводу некоторого поступка, и на основании этого качественно окрашенного переживания мы можем сформировать суждение о том, что данный

поступок отвратителен. А можем судить, что этот поступок очевидным и несомненным образом является отвратительным, не испытывая по его поводу никаких качественно окрашенных переживаний, то есть не испытывая собственно отвращения.

Исследуемый нами вопрос заключается в том, какую роль качественная компонента опыта играет в эпистемологии морали. Мы можем выдвинуть три различных тезиса в качестве возможных ответов.

Слабый тезис: моральные эмоции и переживания *способны* быть свидетельствами в пользу моральных убеждений и нормативными основаниями для обоснованных моральных реакций.

Сильный тезис: моральные эмоции и переживания *способны* быть *незаменимыми* свидетельствами в пользу моральных убеждений и нормативными основаниями для обоснованных моральных реакций.

Эссенциалистский тезис: моральные эмоции и переживания *всегда* являются *необходимыми* и *незаменимыми* компонентами для всякого комплекса достаточных оснований для формирования обоснованного морального убеждения или осуществления обоснованной моральной реакции.

В таком случае у нас имеются четыре возможные позиции по отношению к этим трём тезисам:

— *скептицизм* в отношении моральных эмоций и переживаний отрицает все три сформулированных выше тезиса и в целом отрицает роль эмоций в качестве подходящего типа свидетельств в моральном познании и в практике вынесения обоснованных моральных суждений;

— *доверительная установка* в отношении моральных эмоций признаёт только слабый тезис, и, соответственно, признаёт способность чувств и эмоций служить свидетельствами в моральном познании и в практике вынесения обоснованных моральных суждений, но не требует от агента наличия таких чувств, поскольку они всякий раз могут быть заменены рассуждениями и анализом фактов;

— *сентименталистская установка* в отношении моральных эмоций признаёт слабый и сильный тезисы и тем самым утверждает, что чувства и эмоции способны в некоторых случаях быть незаменимыми свидетельствами в моральном познании и в практике вынесения обоснованных моральных суждений;

— *эссенциалистская установка* в отношении моральных эмоций признаёт все три перечисленных выше тезиса и тем самым полагает, что обладание агентом моральными эмоциями и переживаниями является необходимым условием для морального познания и моральной практики.

Рассмотрим теперь, какие основания у нас имеются за или против того, чтобы придерживаться каждой из этих позиций. Точнее говоря, рассмотрим три конфликта между этими установками. Эти конфликты таковы:

(1) Способны ли моральные чувства и эмоции быть нормативными основаниями в пользу принятия некоторых моральных убеждений или совершения некоторых моральных реакций? Да (доверительная установка) / Нет (скептицизм).

(2) Если чувства и эмоции способны быть нормативными основаниями в пользу моральных реакций, то могут ли они во всех таких случаях быть заменены знанием и анализом внешних фактов? Да, чувства и эмоции могут быть заменены анализом внешних фактов во всех случаях (доверительная установка) / Нет, чувства и эмоции могут быть заменены анализом внешних фактов не во всех случаях (сентиментализм).

(3) Если сохранение у агента достаточных нормативных оснований не во всех случаях допускает замену чувств и эмоций на знание и анализ внешних фактов, то возможна ли такая замена чувств на анализ при сохранении нормативных оснований хоть когда-то? Да, при замене чувств и эмоций на анализ внешних фактов агент по-прежнему может быть способен иметь достаточные нормативные основания для моральных реакций (сентиментализм) / Нет, при замене чувств и эмоций на анализ внешних фактов агент не может иметь достаточных нормативных оснований для моральных установок и моральных реакций (эссенциализм).

Мы начнём наше рассмотрение с первого из указанных противостояний. И, соответственно, первой рассматриваемой нами позицией является скептицизм в отношении моральных чувств и эмоций как свидетельств в пользу моральных убеждений и нормативных оснований для моральных реакций. С точки зрения такого рода скептиков, чувства и эмоции в принципе представляют собой неподходящий тип сущностей для того, чтобы принимать их в качестве нормативных оснований, то есть в качестве того, в силу чего нам следует во что-либо верить или как-либо действовать.

Классический пример Д. Парфита повествует о том, что при встрече со змеей испытываемый мною страх и желание убежать не даёт мне никаких нормативных оснований, в силу которых мне следовало бы бежать (Parfit, 2011, 34). Такие нормативные основания могут давать мне лишь внешние факты. Если змея опасна, и я физически могу от неё убежать, то эти факты дают мне нормативные основания побегать. Если же скорость реакции змеи такова, что я физически не смогу от неё убежать, но могу спастись, если замру на месте, то такие внешние факты

дают мне нормативные основания не бежать и замереть на месте. В этом случае мне не следует бежать, даже если я испытываю сильный страх. Страх не дает мне никаких нормативных оснований бежать. Чувства и эмоции – это в принципе не подходящие сущности для того, чтобы служить нормативными основаниями, то есть такими основаниями, следуя которым мы совершаем то, что нам следует совершать в данной ситуации.

Аналогичным образом это касается и моральных чувств и эмоций. Если я испытываю стыд или негодование, то такие эмоции, по мнению скептиков, в принципе не способны быть тем, в силу чего мне следует во что-либо верить или как-либо действовать. Я могу иметь нормативные основания во что-либо верить и как-либо действовать только в силу имеющихся внешних фактов.

Что на это могут ответить представители доверительной установки? Здесь возможны различные версии аргументации, но мы для примера рассмотрим одну.

В качестве своей посылки данный аргумент использует тезис экстернализма в отношении восприятия. Этот тезис обосновывается независимым образом в рамках дискуссии между экстерналистами и интерналистами, и в эту дискуссию мы погружаться не будем. Отметим лишь, что на стороне экстерналистов имеются веские аргументы со стороны философии языка и теории референции, которые опираются на невозможность приватного языка.

В таком случае мы можем сформулировать следующий аргумент в пользу доверительной установки в отношении восприятия.

(1) Содержанием корректного восприятия являются некоторые факты и положения дел в физическом мире (тезис экстернализма в отношении восприятия).

(2) Некоторые факты и положения дел, имеющиеся в физическом мире, дают нам нормативные основания для принятия некоторых убеждений и совершения некоторых действий (тезис реализма в отношении нормативных оснований).

(3) Содержание корректного восприятия способно давать нам нормативные основания для принятия некоторых убеждений и совершения некоторых действий (вывод на основании (1) и (2)).

(4) Качественная специфика опыта корректного восприятия репрезентирует и (полностью) определяется содержанием восприятия (тезис репрезентационализма (Гуе, 2000, 47)).

(5) Качественная специфика опыта корректного восприятия репрезентирует то, что способно давать нам нормативные основания для

принятия некоторых убеждений и совершения некоторых действий (вывод на основании (3) и (4)).

Здесь стоит обратить особое внимание на понятие корректного восприятия, упоминаемое в первой посылке. Мы могли бы сказать, что данный аргумент работает только в случае корректного восприятия, однако на практике нам неизвестно, когда наше восприятие корректно, а когда нет. Так, когда я вижу змею и боюсь её, то мой страх является случаем корректного восприятия, если змея опасна, и некорректного, если она безопасна (Deonna, Teroni, 2024, 46). Однако на основании доступных мне свидетельств чувственного опыта я, как кажется, не могу определить, корректен ли мой опыт или некорректен, и, соответственно, даёт ли он мне какие-либо нормативные основания или же не даёт.

Экстерналисты принимают этот довод, однако вместе с тем они указывают на то обстоятельство, что наше восприятие имеет тенденцию к тому, чтобы быть корректным. Данный тезис основывается на естественном происхождении любых механизмов восприятия и репрезентации. В таком случае если бы наше восприятие было систематически некорректным, то оно регулярно приводило бы нас к неприемлемым издержкам, в результате чего природа позаботилась бы о том, чтобы носители такого систематически некорректного восприятия не выживали и не успевали дать потомства (Фролов, Пономарёв, 2024, 220).

Таким образом, опыт чувственного восприятия позволяет нам знать некоторые факты, имеющиеся в мире. Это так, даже не смотря на все вызовы, которые апеллируют к аргументам от иллюзии или галлюцинации. С точки зрения экстерналистов, скептические аргументы такого рода не лишают нас способности знать. В таком случае отказываться от того чтобы полагаться на свои чувства и эмоции при определении своих моральных установок и реакций было бы столь же неразумно, как и отказываться полагаться на своё зрение и слух на том лишь основании, что и зрение, и слух потенциально подвержены иллюзиям и галлюцинациям.

При этом, строго говоря, нормативными основаниями для наших реакций всякий раз являются внешние факты. Однако всякое ментальное состояние, корректно репрезентирующее этот внешний факт, также приобретает статус нормативного основания, то есть того положения дел, в силу которого агенту следует действовать определённым образом. Мы можем сказать, что такое корректное ментальное состояние приобретает статус нормативного основания производным образом.

Что значит быть нормативным основанием производным образом? Рассмотрим это понятие на наглядном примере. Предположим, что у каждого человека есть сердце тогда и только тогда, когда у него есть

печень. Представим себе также, что в мире существуют вампиры, для которых наличие у человека сердца является нормативным основанием для того, чтобы попытаться этого человека убить и съесть его сердце. Это то, что следует сделать вампиру, столкнувшись с тем, у кого есть сердце. В таком случае наличие у человека печени также будет нормативным основанием для вампира попытаться убить этого человека, однако это положение дел будет для вампира производным нормативным основанием.

Аналогичным образом качественное переживание, корректно репрезентирующее некоторые внешние факты, являющиеся для меня нормативными основаниями, может давать мне производные нормативные основания в том случае, если сами эти репрезентируемые внешние факты мне неизвестны. Тем самым переживание чувств и эмоций может функционально заменять знание некоторых релевантных фактов.

Как это может выглядеть в случае морали? Представим себе, что я столкнулся с вопросом о том, в какой мере является морально приемлемым или морально предосудительным дважды опубликовать одни и те же идеи в виде разных текстов в разных научных журналах. Чтобы сформировать обоснованное мнение на этот счет, я могу пуститься в теоретизирование и кабинетный анализ имеющихся релевантных фактов. Например, фактов, касающихся оплаты государством моего труда и оценки моей результативности. Однако вместо этого я могу вообразить себе, что я дважды опубликовал одни и те же идеи в виде различных текстов в различных журналах, и представить себе, как мне будет при этом стыдно. Это может быть стыд перед коллегами, если этот факт обнаружится, или это может быть стыд перед самим собой, даже если никто такого двойного опубликования не заметил (Прокофьев, 2016). Конечно, воображаемый или потенциальный стыд как нормативное основание отличается от реального, актуального стыда. Однако идея здесь заключается в том, что этот воображаемый стыд, по-видимому, призван репрезентировать для меня некоторые факты, которые могут быть мне недоступны на сознательном уровне. Я могу не знать, почему мне потенциально стыдно, но то, в силу чего мне потенциально стыдно, может действительно быть нормативными основаниями не совершать данное действие. В таком случае этот воображаемый стыд может заменять в качестве нормативного основания эти репрезентируемые мне релевантные факты. В действительности нормативные основания мне дают некоторые неизвестные мне моральные факты. Однако потенциальный стыд как воображаемая эмоция, корректно репрезентирующая эти факты, даёт мне эти же нормативные основания производным образом подобно тому, как факт наличия печени у еще живой жертвы даёт

вампиру нормативные основания убить эту жертву с тем, чтобы съесть её еще не обнаруженное сердце.

Сравним теперь вопрос о том, насколько морально приемлемо дважды опубликовать одни и те же идеи в двух различных журналах, с вопросом о том, насколько морально приемлемо представить одни и те же идеи в рамках двух различных докладов на конференциях. Пусть я представляю себе, что кто-то из присутствующих на моём докладе обнаруживает, что я уже рассказывал эти идеи в рамках другого доклада. Предположим, что, представив себе такую ситуацию, я осознаю, что я не склонен испытывать никакого чувства стыда в этом случае. Я не знаю, почему это так. Однако я предполагаю, что мои чувства и эмоции призваны репрезентировать некоторые факты, которые являются для меня нормативными основаниями. Соответственно, доверительное отношение к чувствам и эмоциям как форме репрезентации внешних фактов принимает эти чувства и эмоции в качестве производных нормативных оснований.

Таким образом, с точки зрения доверительной установки, наличие моральных чувств и эмоций может иногда заменять знание релевантных внешних фактов и давать нормативные основания для моральных реакций. Однако вместе с тем эти моральные чувства и эмоции, выступающие в качестве свидетельств, могут быть заменены знанием внешних релевантных фактов.

Такова общая структура противостояния между скептицизмом и доверительной установкой в отношении моральных чувств и эмоций. Подводя промежуточный итог, мы можем заметить, что скептицизм в отношении моральных чувств и эмоций сопоставим со скептицизмом в отношении чувственного восприятия в целом. Ясно, что в обоих случаях ошибки, иллюзии и галлюцинации возможны, однако это не даёт нам достаточных оснований полагать, что знание на основании чувственного опыта невозможно.

Переходим теперь к рассмотрению следующего конфликта, а именно к рассмотрению вопроса о том, могут ли существовать такие моральные чувства и эмоции, которые не только способны давать нам нормативные основания для моральных убеждений и действий, но которые не могут быть заменены в этом качестве никаким знанием и анализом внешних фактов?

Что здесь имеется в виду? Здесь имеется в виду возможность существования чувств и эмоций, которые корректно репрезентируют такие внешние факты, которые невозможно познать иначе, чем на основании опыта этих переживаний. Конечно, и в этом случае мы могли бы сказать, что нормативные основания агентам дают эти внешние

факты, тогда как переживания, чувства и эмоции, репрезентирующие эти факты, дают агентам нормативные основания только производным образом. Это так. Однако важнее здесь то, что опыт переживаний, репрезентирующих эти особые факты, не может быть заменён никакими когнитивными пропозициональными установками агентов.

О каких же фактах здесь идёт речь?

Представим себе, что Иван Степанович Калачев, директор автобазы из фильма «Зигзаг удачи», анализирует, какие у него имеются основания для того, чтобы вступить в близкие отношения с председателем месткома Алевтиной Васильевной. Рассматриваемые им релевантные факты таковы: «Мне больше 18 лет»; «Я живу в отдельной квартире»; «Мне требуется невеста»; «Алевтине больше 18 лет»; «Алевтине меньше 50 лет»; «Алевтина весит меньше 80 килограммов»; «Алевтина умеет хорошо готовить»; «Алевтина не замужем»; «Любым иным известным мне лицам женского пола либо меньше 18 лет, либо больше 50 лет, либо они весят больше 80 килограммов, либо они не умеют хорошо готовить, либо они замужем».

Кажется очевидным, что никакое добавление в этот список дополнительных внешних фактов подобного рода не способно сделать сочетание этих внешних фактов достаточным нормативным основанием, в силу которого Ивану Степановичу действительно следует вступить в близкие отношения с Алевтиной Васильевной.

Даже если в этот список добавить еще два факта — «У меня имеется психологическая потребность любить и быть любимым»; «У Алевтины также имеется психологическая потребность любить и быть любимой» — это всё равно не создаёт для Ивана Степановича и Алевтины Васильевны никаких достаточных оснований для вступления в близкие отношения в том случае, если они ничего не чувствуют друг к другу.

И наоборот, если Иван Степанович и Алевтина Васильевна чувствуют друг к другу взаимный интерес и влюблённость, то это вполне может быть достаточным основанием для совершения определённых действий. Более того, если они, испытывая друг к другу взаимный интерес и влюблённость, не совершат никаких действий, то они поступят неправильно, и их действия будут предметом для обоснованной критики (Frankfurt, 2006, 37).

Более того, это могло бы быть верно даже при отсутствии некоторых из перечисленных выше внешних фактов — например, если бы у Ивана Степановича не было отдельной квартиры, или если бы Алевтина Васильевна весила больше 80 килограмм, или если бы ей было больше 50 лет, или если бы у Ивана Степановича уже была другая невеста.

При этом вполне возможно, что эти взаимные чувства, если бы они вспыхнули между Иваном Степановичем и Алевтиной Васильевой, репрезентировали бы некоторые внешние факты. Например, эти переживания, возможно, репрезентировали бы факт их особой психологической и физиологической совместимости. И всё же, даже если это так, знание фактов о такой совместимости не способно было бы компенсировать или заменить эти чувства в качестве неотъемлемого компонента достаточных оснований для соответствующих действий. Если мы добавим факт особой психологической и физиологической совместимости Ивана Степановича с Алевтиной в указанный выше список фактов, то этот список от этого не станет достаточным нормативным основанием для того, чтобы им вступить в близкие отношения, если они при этом ничего не чувствуют друг к другу.

Предположим теперь, что переживания взаимной влюбленности всякий раз репрезентируют факт особой генетической совместимости между влюблёнными. Предположим также, что этот факт генетической совместимости, с точки зрения природы, является достаточным нормативным основанием, чтобы эти влюбленные пытались произвести на свет потомство. Это то, что влюбленным следует делать в силу факта их особой генетической совместимости. В таком случае взаимное чувство влюбленности может быть производным нормативным основанием для того, чтобы вступать в близкие отношения и пытаться произвести потомство. Это то, что влюбленным следует делать при наличии таких взаимных чувств. При этом, с точки зрения предыдущего, доверительного подхода к чувствам, чувства как нормативные основания могут быть заменены знанием и анализом релевантных фактов. А именно, вместо взаимных чувств, являющихся нормативным основанием для производства потомства, Иван Степанович и Алевтина Сергеевна могли бы сделать генетический тест, который мог бы показать их особую генетическую совместимость, и в таком случае им следовало бы вступить в близкие отношения и стремиться произвести потомство.

С точки зрения сентименталистского подхода, выступающего в данном случае в качестве оппонента по отношению к доверительному подходу, это так не работает. Во-первых, с точки зрения сентименталистского подхода, чувства и эмоции являются нормативными основаниями для того, чтобы вступить в близкие отношения, создать семью и родить детей не производным образом, но *первичным* образом. А во-вторых, с точки зрения сентиментализма, даже если наши чувства действительно репрезентируют некоторые факты, то вполне возможно, что к некоторым таким фактам у нас *нет и не может* быть никакого иного параллельного доступа иначе как посредством чувств и эмоций. Об

этом, собственно, говорит нам Паскаль. В таком случае возможно, что наличие взаимных чувств между влюбленными действительно репрезентирует некий факт того, что они особым образом подходят друг другу. Причем речь здесь идёт о внешнем факте, существующем в мире независимо от чьих-либо установок и желаний. Более того, возможно, что этот факт способен быть достаточным нормативным основанием для того, чтобы этим влюбленным вступить в близкие отношения друг с другом. Однако узнать об этом факте нельзя иначе, чем на основании взаимных чувств. В таком случае эти чувства являются неотъемлемым и незаменимым компонентом достаточных нормативных оснований для некоторых действий. Стремиться вступать в близкие отношения следует только при наличии взаимных чувств, и ничто не может заменить их в качестве достаточного нормативного основания для таких действий. Таков возвышенный пафос сентименталистского тезиса.

Схожим образом ситуация, с точки зрения сентиментализма, обстоит и в области морали и моральных реакций, таких как осуждение. Общая структура рассуждения имеет аналогичный вид.

Предположим, что некий Василий, будучи лучшим другом Ивана, увёл у Ивана девушку Машу, с которой тот пробыл в отношениях десять лет, причем Василий и Маша встречались втайне от Ивана на протяжении последних двух лет. Узнав об этом, Иван что-то чувствует. Вопрос в том, являются ли эти чувства и переживания Ивана нормативными основаниями, в силу которых ему следует отреагировать тем или иным образом? Как и прежде, мы здесь предполагаем истинность морального реализма и допускаем, что в описанном контексте обстоятельств существует только один правильный ответ на вопрос о том, как Ивану следует реагировать в данной ситуации.

Скептик в отношении чувств и эмоций утверждает, что личные переживания Ивана в принципе не являются подходящим типом сущностей для того, чтобы служить нормативными основаниями, в силу которых ему следует что-либо делать. Если Ивану и следует сделать что-либо определённое, то не в силу наличия у него чувств и эмоций, а в силу имеющихся внешних фактов.

Сторонник доверительной установки полагает, что чувства и переживания Ивана отчасти репрезентируют эти внешние факты, причем, как правило, репрезентируют корректно, поэтому у Ивана есть все основания принимать свои чувства и эмоции в качестве производных нормативных оснований для некоторой реакции.

Наконец, сторонник сентиментализма полагает, что в этой ситуации только чувства и эмоции Ивана и могут служить нормативными основаниями для какой-либо реакции. Только сердцем Иван может

понять, какая его ответная реакция является обоснованной в данной ситуации. И если Иван чувствует, что ему надо простить Василия и Машу, и если он, например, готов и дальше с ними общаться, то у него есть все основания доверять этим своим чувствам. В таком случае, если Иван никак не отреагирует на вскрывшиеся обстоятельства по причине полного к ним равнодушия, то такое его поведение едва ли уместно будет назвать ошибочным или неправильным. Более того, если Иван проигнорирует своё спокойное психологическое состояние и будет полагаться на анализ фактов, на основании которого он придет к выводу, что в данной ситуации наиболее обоснованным решением является вычеркнуть из своей жизни Василия и Машу и забыть о них навсегда, то, как представляется, он поступит неправильно. Это может быть ошибкой.

И наоборот, если Иван чувствует душевную боль и психологические страдания в связи с открывшимися фактами, то эти его чувства и эмоции будут существенной частью комплекса нормативных оснований, в силу которых ему следует тем или иным образом отреагировать. И если он не отреагирует и продолжит общаться с Василием и Машей как ни в чем не бывало, втайне страдая при этом, то он будет поступать неправильно.

Если сказанное верно, то в некоторых случаях чувства и эмоции могут быть незаменимыми компонентами комплекса достаточных нормативных оснований для моральных реакций.

При этом важно отметить, что такого рода сентиментализм вполне допускает, что чувства и эмоции агентов также подвержены ошибкам. Это так даже в ситуации, когда агент имеет доступ к некоторому факту исключительно на основании собственных чувств и этот факт невозможно познать на основании анализа каких-либо внешних фактов. Например, если речь идёт об особой совместимости этого агента с некоторой девушкой. Наша способность познавать такого рода факты на основании чувств отнюдь не безошибочна. Василий и Маша могут чувствовать, что они идеально подходят друг другу. При этом они не способны определить никаким независимым образом – то есть путём анализа внешних фактов, – так ли это. Однако, полагаясь на свои чувства, они могут ошибаться на счет того, что они идеально подходят друг другу. Аналогичным образом Иван может чувствовать, что ему стоит простить Василия и Машу и не иметь никакого способа проверить корректность такого своего чувства, но при этом в конечном итоге ошибаться.

Такое допущение подверженности незаменимых чувств ошибкам создаёт для сентименталиста серьёзную эпистемологическую проблему, с которой едва ли можно как-либо справиться. С точки зрения

сентименталиста, всё, что нам остаётся в данной ситуации – это полагаться на наши чувства и надеяться на то, что они нас не обманывают в ситуации, в которой мы никак не можем проверить их корректность независимым образом.

Перейдём теперь к третьему противостоянию, то есть к вопросу о том, способен ли сухой анализ имеющихся внешних фактов компенсировать отсутствие моральных чувств и эмоций в моральном познании и моральной практике или же наличие таких чувств и эмоций совершенно необходимо для морального познания и моральной практики.

Что здесь имеется в виду? Здесь имеется в виду такая эссенциалистская установка в отношении моральных чувств, в рамках которой наличие подобного рода переживаний является одним из конститутивных элементов совершения морального действия. При отсутствии таких чувств действие просто не способно быть моральным. Если человек на словах выражает глубокое сожаление, но при этом ничего не испытывает, то его поведение лишь внешне напоминает моральную реакцию, но не является ею подобно тому, как человек, не имеющий искреннего намерения выполнять произносимое им обещание, лишь внешне имитирует акт обещания, но не совершает его (Карпов, 2020, 74).

В таком случае в отсутствие переживаемых чувств и эмоций у нас не просто нет достаточных нормативных оснований для моральных убеждений или действий, но у нас попросту нет *способности* к осуществлению таких действий.

Подкрепить данную позицию может следующий воображаемый сценарий. Представим себе, что по городу запущено движение автономных самоуправляющихся автомобилей. Вместе с ними на дорогах появились также и автономные самоуправляющиеся автомобили ДПС. Всякий раз, когда в городе случается авария, на место выезжает автономный автомобиль ДПС, автономные автомобили, участвовавшие в аварии, пересылают ему записи своих видеорегистраторов, а также все свои бортовые показания. Затем автономный автомобиль ДПС анализирует эти данные и выносит решение о том, какой из автономных автомобилей принял неверное решение, приведшее к аварии. Мы можем предположить, что в такой коммуникации автомобилей, ориентированной исключительно на установление фактов и принятие обоснованного решения на их основании, нет места для морального осуждения.

Теперь представим себе, что автономный автомобиль ДПС выезжает на место аварии с участием двух обычных автомобилей, управляемых живыми людьми. Эти люди очевидным образом являются полноценными моральными агентами. Если кто-то из них сел пьяным за руль, то такое действие определённо может быть предметом моральной

оценки. Однако, с точки зрения эссенциализма, автономный автомобиль ДПС, установив все внешние факты аварии, не способен морально осудить такого водителя. Он может произвести некоторую реакцию в отношении водителя, какой бы она ни была, однако в отсутствие у автономного автомобиля ДПС каких-либо чувств и переживаний эта реакция конститутивно не способна быть моральной реакцией. Аналогичным образом ситуация обстоит с бесчувственным человеком, вежливо выражающим своё сожаление. В зависимости от разнообразных факторов высказываемое сожаление может быть уместным или неуместным, однако в отсутствии каких-либо чувств, сопровождающих такое высказывание, данное действие заведомо не является моральным. В таком случае эмоции и качественно окрашенные переживания *всякий раз* оказываются *неотъемлемым* и *незаменимым* компонентом комплекса достаточных нормативных оснований для принятия моральных убеждений и совершения моральных действий.

Таков представленный нами обзор возможных позиций в отношении способности моральных чувств и эмоций быть свидетельствами в пользу моральных убеждений и нормативными основаниями для моральных реакций. Представляется, что такого рода классификация может представлять самостоятельный теоретический интерес без вынесения конечного решения о том, какая из представленных позиций является наиболее обоснованной. Мы не хотели бы предрешать этот вопрос и со своей стороны готовы оставить его на усмотрение читателя.

Список литературы

- Карпов, Г.В. (2020). Нравственное измерение речевых актов, адресованных себе. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 57, 74–89.
- Кононов, Е.А. (2023). *Метаэтика. Теоретический обзор*. Москва.
- Паскаль, Б. (1994). *Мысли*. Москва: REFL-book.
- Прокофьев, А.В. (2016). О моральном значении стыда. *Этическая мысль*, 16(2), 106–122.
- Фролов, К.Г., Пономарёв, А.И. (2024). *Аналитическая философия восприятия: традиция и современность*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Deonna, J., Teroni, F. (2024). Emotions and Their Correctness Conditions: A Defense of Attitudinalism. *Erkenntnis*, 89, 45–64.
- Frankfurt, H. (2006). *The Reasons of Love*. Princeton: Princeton University Press.
- Huemer, M. (2005). *Ethical Intuitionism*. Houndmills: Palgrave Macmillan.

Nagel, T. (1974). What Is It Like to Be a Bat? *Philosophical Review*, 83, 435–450.

Parfit, D. (2011). *On What Matters, Volume One*. Oxford: Oxford University Press.

Tye, M. (2000). *Consciousness, Color and Content*. Cambridge MA: MIT Press.

Информация об авторе: Фролов Константин Геннадьевич, кандидат философских наук, научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН, г. Москва, kgfrolov@hse.ru.

Поступила в редакцию: 29 ноября 2024 г.

Принята к публикации: 3 декабря 2024 г.

Опубликована: 31 декабря 2024 г.

Frolov Konstantin Gennadievich

On the Epistemic Status of Moral Feelings and Moral Emotions

Abstract: The aim of the paper is to explore if moral feelings and emotions are capable of providing agents with normative reasons in favor of certain moral beliefs and moral reactions. We distinguish four possible positions: skepticism denies the role of emotions as an appropriate type of normative reasons in moral cognition and moral practice; a trusting attitude towards moral emotions recognizes the ability of qualitative subjective experiences to give reasons in moral cognition and moral practice, but admits that these experiences can always be replaced by reasoning and analysis of relevant external facts; a sentimentalist attitude assumes that feelings and emotions can in some cases be indispensable reasons in moral cognition and moral practice; an essentialist attitude proceeds from the fact that the agent's possession of moral emotions and experiences is always a necessary condition for moral cognition and moral practice. We examine the advantages and disadvantages of each of these approaches.

Keywords: moral responsibility, moral emotions, normative reasons, skepticism, sentimentalism, representationalism.

Citation: Frolov, K. G. (2024). On the Epistemic Status of Moral Feelings and Moral Emotions. *Analytica*, 9, 63–81.

References

- Deonna, J., Teroni, F. (2024). Emotions and Their Correctness Conditions: A Defense of Attitudinalism. *Erkenntnis*, 89, 45–64.
- Frankfurt, H. (2006). *The Reasons of Love*. Princeton: Princeton University Press.
- Frolov, K.G., Ponomarev, A.I. (2024). *Analiticheskaya filosofiya vospriyatiya: traditsiya i sovremennost'* [Analytical Philosophy of Perception: Tradition and Modernity]. Saint Petersburg: Aleteiya. (in Russian).
- Huemer, M. (2005). *Ethical Intuitionism*. Houndmills: Palgrave Macmillan.
- Karpov, G.V. (2020). Nravstvennoe izmerenie rechevykh aktov, adresovannykh sebe [Selfward Speech Acts in the Context of Kant's Ethics and More]. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 57, 74–89. (in Russian).

- Kononov, E.A. (2023). *Metaetika. Teoreticheskii obzor [Metaethics. Theoretical review]*. Moscow. (in Russian).
- Nagel, T. (1974). What Is It Like to Be a Bat? *Philosophical Review*, 83, 435–450.
- Parfit, D. (2011). *On What Matters, Volume One*. Oxford: Oxford University Press.
- Pascal, B. (1994). *Mysli [Thoughts]*. M.: REFL-book. (in Russian).
- Prokofyev, A.V. (2016). O moral'nom znachenii styda [On the Moral Significance of Shame], *Ethical Thought*, 16(2), 106–122. (in Russian).
- Tye, M. (2000). *Consciousness, Color and Content*. Cambridge MA: MIT Press.

Authors Information: Frolov Konstantin Gennadievich, PhD, researcher at the Department of Social Epistemology, RAS Institute of Philosophy, Moscow, kgfrolov@hse.ru.

Received: 29 November 2024

Accepted: 3 December 2024

Published: 31 December 2024